

О. И. Ханкевич

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЦИВИЛИЗАЦИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ АНТИЧНОСТИ

В статье исследован механизм формирования социально расчлененного общества в греческом классическом полисе и римской республиканской цивитас. Подвергнуты анализу вопросы трансформации родоплеменной структуры в государственную, описаны особенности полисного государства-общины, освещен исторический путь становления в греко-римской цивилизации института гражданства и демократической общественной системы.

This article deals with the mechanism of stratified society forming in Greek *polis* and Roman Republican. Author analyzes the problem of multiethnic tribal system transformation to the state system; she finds out the particularities of the ancient *polis* as a community-state and covers the historical way of making the institutes of citizenship and democracy under the Greek-Roman civilization.

Ключевые слова: античная цивилизация, гражданское общество, античная демократия, античный полис, государство-община, гражданин, римская республиканская цивитас, гражданское право.

Keywords: ancient civilization, civil society, ancient democracy, ancient polis, community-state, citizen, Roman Republican civitas, civil law.

Введение. Греко-римская античная цивилизация, базовой основой которой считается государство полисного типа, стала родоначальницей демократии и гражданского общества. В конкретно-историческом плане это была определенным образом организованная общественно-политическая система, изучение которой опирается на комплекс исторических и юридических памятников. Целью данного исследования является анализ механизмов формирования социально расчлененного общества на примере устройства греческого классического *полиса* и римской республиканской общины – *цивитас*. В полисе и цивитас, расцвет которых выпал на вторую половину I тыс. до н. э., впервые в мировой истории возник институт гражданства и связанная с ним правовая система – *ius civile*, которая зафиксировала существовавшие в античном обществе формы социальной стратификации. Сделаем несколько предварительных замечаний. Во-первых, полнота и достоверность описания любой общественной системы прошлого целиком зависит от состояния письменных источников и их сюжетного разнообразия. Во-вторых, утвердившаяся в современной науке цивилизационная парадигма предполагает изучение форм взаимодействия индивида и коллектива, способов интеграции человека в микро- и макросообщества, особенностей социальной стратификации и связанной с ней структуры общества. И, в-третьих, сложноструктурированный характер социального организма полиса и цивитас, наличие в нем демократически упорядоченных и регулируемых правом сфер жизнедеятельности (институтов) получили в сочинениях древних авторов соответствующую терминологическую маркировку.

Современные антиковеды ведут кропотливую работу по изучению греческой и латинской социальной и политической лексики в ее первоначальном историческом контексте. Ведь широко вошедшие в научный обиход слова «демократия» и «аристократия», «монархия» и «республика», «тирания» и «диктатура», «класс» и «сословие», «сенатор» и «пролетарий», «патриций» и «плебей» и многие другие получили со временем новое лексико-семантическое наполнение.

Основная часть. *Генезис полисной государственности, ее особенности.* Первые государства европейской античности были по своему устройству городской общиной с подвластной городу сельскохозяйственной округой (в новоевропейской лексике – *город-государство*). В целом цивилизации античности базировались на городском обществе и городской культуре, чем и объясняется, по наблюдению Б. С. Ерасова, этимологически первичный смысл самого слова *цивилизация*, восходящего к латинскому *civilis*, что «означает гражданина как городского жителя» [1, с. 27]. Добавим, что и греческое слово *демос* одним из своих значений имеет «народ городов». В социальном отношении это была общинно-гражданская структура, функционировавшая на принципах политической независимости (греч. *автономии*) и хозяйственной самодостаточности (греч. *автаркии*). Интегрирующим центром с сосредоточением в нем политических, военных и культовых функций выступал город (греч. *polis*, лат. *urbs*), но с точки зрения приоритетного сельскохозяйственного труда и земли как главного источника существования полисное государство было неразрывным единством урбанизированной и сельскохозяйственной жизни. Согласно Аристотелю и Платону, государство появилось для удовлетворения подлинных потребностей людей, что было возможно при условии их совместного

проживания и совместной деятельности с целью достижения общепользовательных результатов, «общего блага» (Аристотель. Политика, III, 1, 2. 11–13; 4, 3. 5, 1; V, 1, 2; Платон. Государство, II, 369 b–d). Другие же писатели древности утверждают, что пространственно-территориальный показатель в полисе был вторичным, главным государствообразующим фактором являлись в нем сами люди. Вторичность фактора территории в античном понимании государства отчетливо видна у Диодора и Фукидида, которые считали, что не языки и не земля создают полис, а само сообщество граждан (Фукидид, VII, 77, 7; Диодор, XXXII, 6) [2]. Полисный коллектив состоял из политически равноправных и юридически полноправных сообщинников, соплеменников и содружинников, квалифицируемых правом и в качестве *сограждан* (греч. *πολίτης*, лат. *cives*). «Именно колоссальной важностью категорий гражданина и гражданства..., – подчеркивает И. Е. Суриков, – обуславливались основные особенности полисного типа государственности» [3, с. 41]. Поскольку свободные люди были самой многочисленной и деятельной частью населения любого древнего государства, российские востоковеды И. М. Дьяконов и В. А. Якобсон связывают конец древней эпохи с исчезновением сословия свободных граждан, а также с падением главных центров концентрации этого сословия – городов. Наиболее надежным критерием различения исторических формаций и цивилизаций эти ученые считают структуру общества и соответствующую ей социальную психологию [4, с. 23–24]. Объектом нашего анализа и является греко-римская цивилизация в качестве социокультурной, гражданской и политической общности.

В современной науке существуют различные критерии, в соответствии с которыми из общества как целостной системы вычлняются отдельные социальные слои, группы и сословия. Такими критериями могут выступать: отношение человека к властным институтам (правители и подвластные), происхождение (знатные, родовитые и простонародье), профессиональная деятельность (только представители знати имели тогда возможность получить образование и занять престижную должность), уровень материального достатка (богатые и бедные), роль в организации социального, прежде всего материального, воспроизводства (одни руководили им, другие – осуществляли). Наконец, с позиций классового подхода всякое древнее общество состояло из тех, кто своим трудом добывал средства существования, и тех, кто эксплуатировал чужой труд. Фактор эксплуатации, т. е. отчуждения рабочего времени и продуктов труда рядовых производителей и зависимых рабов, был решающим в функционировании древних государств. На начальной стадии формирования государственности (это царская эпоха в Риме и архаическая в Греции: VIII–VI вв. до н. э.) определяющим было разделение членов сложившейся в определенном регионе этносоциальной общности на знатных, родовитых (греч. *аристой* – «лучшие») и простолюдинов (греч. *какой* – «низкие», «скверные»). Родоплеменное общество предгосударственной эпохи состояло из союзов племен – *фил* у греков и *триб* у римлян, членившихся, в свою очередь, на *фратрии* и *курии*, соответственно. Последние объединяли воинвополченцев, участников общего культа в честь их небесных покровителей. Так, *Квири*, считавшийся воплощением обожествленного основателя Рима – *Ромула*, стал обозначать римских граждан как таковых – *квиритов*. В царском Риме по куриям проводилось и голосование, откуда происходит название древнейшего вида народного собрания – *куриатные комиции* (*comitium* – плотно утрамбованная площадка на форуме).

Составными частями отдельного племени были *роды* (греч. *genos*, лат. *genus*) и общины, в рамках которых коллективная земля отдельных родов со временем стала переходить в частное владение (*possessio*) глав больших патриархальных семей [5, с. 201, 209, 231]. Вожди наиболее знатных родов составляли *совет* – надплеменной потестарный орган с широкими властными полномочиями. Знать выделилась в самостоятельную сословную группу, принадлежность к которой основывалась «на звании и достоинстве». Плутарх, в частности, обосновывает общественный авторитет эвпатридов тем, что им были доверены дела культа и охрана законов (Тесей, XXV) [6]. Значение греческого *эвпатриад* и латинского *патриций* идентично: те, кто происходит от благородного, т. е. знатного отца. Древние поэты, ученые и писатели (среди них *Гесиод*, *Аристотель*, *Тит Ливий*) рисуют яркую картину социальной розни в среде как семейно-родовых, так и соседско-земледельческих общин, рядовые члены которых пребывали в зависимости и от богатых сородичей, и от общинной верхушки. В результате изменяется характер самой общины, в ней возрастает численность экономически зависимых людей. Аристотель, в частности, пишет, что «земля находилась в руках немногих» и что ее обрабатывали на условиях чрезмерно высокой арендной платы бедняки, которые были «в порабощении не только сами, но также и дети и жены» (Афинская политика, II, 2). У родовой аристократии концентрировались не только земля и власть, но и военная организация, костяк которой составляли аристократические дружины. «Решающая роль на полях сражений принадлежала аристократии уже в силу того, – отмечает Ю. В. Андреев, – что только богатый человек мог в те времена приобрести полный комплект тяжелого бронзового вооружения, которое было очень дорого» [7, с. 83].

В экономическом отношении названные столетия были временем интенсивного развития ремесла и торговли, роста городских центров и численности городского населения. Именно в его среде

возникла новая форма стратификации, связанная с появлением предприимчивых и инициативных людей из простонародья – *демоса* в Афинах и *плебса* в Риме, они и возглавили первый в истории Европы «народный фронт». Лозунгами этого движения стали требования передачи власти демосу – *демократии*, утверждения справедливого правосудия, ликвидации долговой кабалы и передела в пользу бедноты земли. Последний лозунг, выражавший чаяния широких народных масс, становился, по словам Х. Туманса, актуальным всякий раз, когда социальное неравенство достигало критической точки. «При этом... под переделом земли, – продолжает ученый, – подразумевалось возвращение к первичному равенству, т. е. к тем временам, когда земля была поделена поровну между общинниками» [8, с. 224–225]. Однако уравнилельные идеалы прошлого пришли в противоречие с новой социальной действительностью. Следствием длительного межсословного противостояния явилось упорядочивание и нормирование общественных отношений в полисе и *цивитас*, рядовые члены которых были инкорпорированы в гражданское сообщество. Исследователи отмечают, что одна из главных особенностей генезиса демократии в государствах европейской античности в том и заключалась, что «и демос и плебеи вошли в состав гражданской общины в качестве полноправных и равноправных участников народного ополчения и народного собрания, осуществлявшего высшую власть» [9, с. 15]. Таким образом, на начальной стадии своего формирования античное общество представляло собой определенную этносоциальную, военную и культовую общность, ставшую впоследствии политическим и гражданским единством. Переустройство родоплеменной организации в государственную открывают реформы *Солона* в Аттике (ее центром были Афины) и *Сервия Туллия* в Риме (VI в. до н. э.), социальное содержание которых сводилось к замене стратификации по критерию происхождения критерием материального достатка человека. Все члены полиса и *цивитас* были разделены на имущественные разряды в соответствии с размером дохода, получаемого от возделывания сельскохозяйственных культур (в так называемой средиземноморской триаде преобладали виноград, оливки и зерновые). В Риме цензовые классы (*censere* – оценка имущества) выставляли и определенное число воинских отрядов – *центурий*, которые и в этом случае были голосующими подразделениями. Так возникла новая разновидность народного собрания республиканского Рима – *центуриатные комиции*, в ведении которых находились вопросы внешней политики и избрание высших магистратов. Поскольку ополченческие дружины формировались на основе самоэкипировки, наиболее зажиточные граждане (*classici*, отсюда слово «класс») служили в коннице и тяжеловооруженной пехоте. А вот бедняки, «богатство» которых состояло в их потомстве (*proles*), к воинской службе призывались только в чрезвычайных обстоятельствах, при голосовании они регистрировались «по головам» – *capite censi* (выражение стало эквивалентом «неимущий», «пролетарий»).

И в Афинах принадлежность к одному из имущественных разрядов обуславливала политические права и воинские обязанности граждан полисной общины. Критерием границ между разрядами и здесь служил размер годового дохода, исчисляемый в сельскохозяйственных продуктах. Так, представители первого и второго разрядов служили в коннице и избирались на руководящие магистратские должности. Из членов третьего имущественного разряда комплектовались отряды тяжеловооруженных пехотинцев – *гоплитов* – и избирались рядовые магистраты. Феты, составлявшие последний, четвертый разряд, в ополчении не служили, но, как и все другие граждане, обладали политическими правами: голосовали в народном собрании и избирались в состав суда присяжных – *гелиэю*. По идее Платона, «граждане либо пребывают в своем разряде, либо, разбогатев или обеднев, переходят в подобающий каждому из них класс» (Законы, V, 744 b–d). В основу нового государственного устройства Солон заложил принцип *меры*, выражением которого в политике стало законодательное регулирование социальных отношений. Именно «благозаконие» (греч. *евномия*), т. е. власть закона, должно было, по замыслу реформатора, «сдерживать и дурных людей и добрых». Наконец, Солон совершил еще одно революционное преобразование – он запретил обеспечивать долговые обязательства афинян личной кабалой, что сделало в будущем невозможным обращение в рабство сограждан (Аристотель. Афинская полития, II, 2; IV, 6). Сервию Туллию античная традиция приписывает и введение нового административного устройства римской общины, территорию которой он разделил на 20 округов-триб (хотя современные ученые относят данное нововведение к более позднему времени, приблизительно к IV в. до н. э.). По этим территориально-административным округам, численность которых увеличилась затем до 35, проводилось голосование в *трибутных комициях*, главном законодательном органе Римской республики. В Афинах разделение полиса на 10 территориальных фил произвел в VI в. до н. э. *Клисфен* [10]. Новое административное деление основывалось на территориальном принципе, при этом созданные Сервием Туллем и Клисфеном округа сохраняли прежние родоплеменные наименования. Однако функции *фил* и *триб* были уже государственными: учет проживавшего на их территории гражданского населения, призыв в войско и проведение ценза. «Денежный ценз вместе с новой административной системой, – пишет Х. Туманс, – окончательно уравнивал политические шансы “новых людей” и родовой аристократии» [8, с. 483].

Прогрессивное значение названных преобразований заключалось в раздроблении родоплеменных коллективов, а значит, ослаблении политического влияния старинной знати. Массовое же освоение производства железа повлекло удешевление оружия, которое теперь мог приобрести общинник среднего достатка, что значительно уменьшало военное превосходство аристократических дружин. Корпоративные сходы вооруженных общинников-ополченцев превратились со временем в полноценные собрания всего гражданского коллектива. Возникшая в итоге названных реформ сословно-функциональная дифференциация античного общества базировалась на определенной роли имущественных (в Риме – цензовых) разрядов в военной и политической системе полиса и цивитас. Подобное общественное устройство Аристотель назвал *тимократией*, из которой, как полагал мыслитель, в будущем может возникнуть *демократия*. Аристотель описал и механизм такой трансформации: «А так как народ представляет в политике большинство, постановления же большинства имеют решающее значение, то такого рода государственный строй и является демократическим» (Политика, IV, 4, 2; VI, 1, 6). Численное превосходство рядовых граждан, голоса которых после завершения межсословной борьбы стали иметь в народном собрании значительный перевес, и обусловило направление дальнейшей эволюции государственного строя греков и римлян. При этом многие антиковеды не считают демос и плебеев классом, поскольку, как отмечает Е. М. Штаерман, состав их был многослоен: помимо крестьян в их число «входили ремесленники, торговцы, люди как совершенно неимущие, так и включавшиеся в высшие цензовые классы». Это означает, что они не занимали определенного места в общественном производстве, поэтому, заключает исследовательница, демос и плебс «скорее можно рассматривать как сословия, а их борьбу со знатью не как классовую, а как сословную» [9, с. 23].

Пути возникновения полисного государства могли быть разными – от мирной колонизации до территориальной экспансии, но на начальной стадии это происходило в результате объединения (греч. *синойкизм*, лат. *агломерация*) нескольких племенных общин в единую этносоциальную общность. В процессе интеграции один из этносов мог занять в формирующемся государстве лидирующие позиции, что позволяло его представителям узурпировать функции руководства, завладеть обширными участками земли и большим количеством пленных. Экономическое могущество господствующего этноса, как правило, конвертировалось в его политическое лидерство, закреплявшееся за определенными родами и кланами посредством наследования власти. Л. С. Васильев возникновение в формирующемся государстве социального неравенства объясняет таким образом: человек должен был занять определенную позицию во властных структурах, т. е. получить доступ к рычагам управления, контроля и распределения, что и давало ему возможность разбогатеть (феномен *власти-собственности*) [11, с. 215–226]. В структурировании социального организма полиса и цивитас определенную роль играл и фактор разделения населения на первопоселенцев (греч. *автохтонов*) и пришельцев-мигрантов (миграции племен нередко имели решающее значение в исторических судьбах государств древности и Средневековья). Завершающим этапом на пути этноплеменной (*палеоэтногенез*) и политической (*стейтогенез*) консолидации была внутренняя самоорганизация (*социогенез*) объединившихся племен относительно «чужаков», т. е. внешнего мира, что предполагало упорядочение связей в среде «своих». Существенное на начальной стадии социогенеза разделение людей по этническому признаку отходит на второй план, о чем свидетельствует появление общего для объединившихся племен этнонима (у греков – *эллины*). «Чужими» для эллинов стали те, кто не говорил на их языке, т. е. языке цивилизованного народа, поэтому все чужаки – *варвары*. Заметим, что огромная первобытно-племенная (условно – варварская) периферия передовых очагов античной цивилизации являлась для нее источником сырья, сельскохозяйственной продукции и рабов. Главной формой подневольного труда и у греков, и у римлян был труд рабов-чужеземцев – так называемое *экзогенное* рабство, т. е. рабство внешнего происхождения. При этом абсолютное большинство современных ученых говорят о ведущей роли в древних цивилизациях свободного труда мелких и средних производителей – крестьян-общинников и ремесленников [4, с. 22–23; 9, с. 20]. Что же касается форм эксплуатации, то наряду с рабством в государствах полисного типа имели место батрачество, наемный труд, аренда и клиентела, т. е. античный способ производства соединял различные формы зависимого и полузависимого труда.

В Греции индоевропейские племена *ахейцев*, *дорийцев*, *эолийцев* и *ионийцев* расселились на территории Балкан, островах Эгейского моря и на западном побережье Малой Азии относительно компактными агломерациями. В Спарте, к примеру, пришельцы-дорийцы оттеснили местное ахейское население к окраинам области Лаконика, отчего покоренные автохтоны назывались *перизками* – «живущими вокруг». В античном мире модель социальной дифференциации по линии завоеватель – покоренный имела широкое распространение. Дело в том, что основу экономики крупных древних городов составляла земельная собственность, покоренное население чаще всего и обрабатывало эту землю. Но и завоеватели, и покоренные племена, сохранявшие свои земли и общинное самоуправление, именовались в Спарте *лакедемонянами*, т. е. жителями государства Лакедемон,

подчеркивая тем самым свою общность по отношению к внешнему миру. Во внутренней же организации завоеватели – *спартиаты-гомеи*, т. е. «равные», отделяли себя и от свободных, но политически бесправных периеков, и от обращенных в рабов жителей соседней Мессении – илотов (Страбон, VIII, 5, 4) [12]. *Илотия* – особая форма эксплуатации подневольного труда, при которой работники находились в зависимости и от государства, и от частных лиц – спартиатов-гомеев, в пользу которых они должны были производить отчисления в виде ячменя, оливкового масла, смокв, сыра и других продуктов (при преобладании натурального хозяйства материальную ценность приобретало абсолютно все, в том числе и пища).

Со времени законодателя *Ликурга* (между IX и VII вв. до н. э.) в Спарте была разработана система мер, направленных на недопущение имущественного неравенства в среде гражданского населения. В частности, из обращения была изъята полноценная монета, которую заменили тяжелые железные прутья, а торговля и ремесло стали уделом периеков. Все спартиаты-гомеи имели равные земельные наделы с приписанными к ним илотами, жили в одинаковых бытовых условиях, занимаясь исключительно военным делом. Именно такое социальное устройство спартанского полиса, основанное на консолидации и сплочении гражданской «общины равных», обеспечивало ему большой запас внутренней прочности и способности противостоять всем угрозам как изнутри (подавление массовых восстаний илотов), так и извне. Под главенством Спарты на Пелопоннесе был создан мощный союз олигархических полисов, который одержал победу над демократическими Афинами и их союзниками в так называемой Пелопоннесской войне (431–404 гг. до н. э.). Однако в 400 г. до н. э. в Спарте был принят закон, разрешавший гражданам делать завещания и дарения земельных наделов, что привело к появлению имущественного неравенства, увеличению числа безземельных в среде самих спартиатов-гомеев (их стали называть *гипомейонами*, букв. «опустившимися»). Именно с этого времени писатели древности констатируют деформацию полисных структур Спарты, которую они напрямую связывают с размытием гражданского коллектива. В IV в. до н. э. убыль численности спартиатов-гомеев стала еще более явной, чем и объясняется практика кооптации новых граждан из числа получивших свободу илотов и *мофаков* (так в Спарте называли побочных сыновей знатных спартиатов). В итоге исчезает, как отмечает Л. Г. Печатнова, «прежняя исключительность, элитарность самого гражданского статуса спартиатов», гражданское сообщество распадается на несколько неравноправных групп, разнившихся как по уровню материального благосостояния, так и по общественному престижу [13, с. 106–108, 115].

На Аппенинском полуострове синойкизм *латинов, сабинов и этрусков* проходил под началом *древних римлян*, жителей центральной области Италии – Лация (собираемым понятием «древние римляне» в антиковедении обозначается и все свободное население этого государства). Изначально римская община состояла из родовой знати (по одной из версий древних историков, *патриции* были коренными жителями Лация) и незнатных *плебеев* (переселенцы-мигранты, согласно той же версии). «Неравноправие коренных граждан и более поздних переселенцев, – отмечает А. И. Немировский, – было характерно для всего античного мира» [14, с. 244]. Однако в данной публикации нас больше интересуют внутренние механизмы появления социального неравенства, которое, по замечанию Е. М. Штаерман, возникло у греков и римлян столь же *естественно* (выделено нами. – О. Х.), как и у других народов, находившихся на стадии варварства. «Племена всех континентов разделялись, – по ее словам, – на знать, простой народ, состоявший из свободных соплеменников, и зависимых от знати лиц типа клиентов» [9, с. 22]. Это хорошо понимали и сами древние. Согласно утверждению Аристотеля, земледельцы и скотоводы проживали на территории полиса «в соответствии с *естественным* делением народонаселения» (Политика, VI, 2, 1). Одержав при поддержке своих союзников, латинов, победу над всеми племенами и общинами Италии, римляне утвердили затем свою гегемонию и в Лации, используя в отношении бывших соратников девиз *Divide et impera!* («Разделяй и властвуй!»). Предоставляя италийским общинам автономию, победители-римляне отнимали у каждой из них треть земли, формируя таким путем собственный государственный земельный фонд – *ager publicus*. Значительную часть этого «общественного поля» занимали представители господствующего патрицианского сословия, что еще больше усложняло внутреннюю структуру римской гражданской общины. В ней появились, с одной стороны, богатые землевладельцы, с другой – бедняки-плебеи, владевшие только небольшими приусадебными наделами. Земельный и долговой вопросы становятся с этого времени главной общественной проблемой, что подтверждается следующим высказыванием Тита Ливия: «Тогда (т. е. в 486 г. до н. э.) в первый раз был обнародован аграрный закон, обсуждаение которого в последующее время всегда сопровождалось великими потрясениями...» (II, 41) [15]. И много столетий спустя Цицерон считал постановления комиций о переделе земли «совершенным беззаконием» (Об обязанностях, I, 7, 20–21) [16]. Приватизация земли из фонда *ager publicus* была узаконена только в конце II в. до н. э., что освобождало владельцев частных наделов от выплаты в государственную казну ренты (*vectigal*). Многие современные антиковеды интерпретируют данную реформу как стремление римских властей сохранить социальное равновесие, скоординировав «общее

благо» *civitas* и интересы (в источниках – «пользу») отдельных граждан. «Всякий акт справедлив, когда он защищает собственность», ибо «нельзя для своей выгоды вредить другому», – говорит Цицерон (Об обязанностях, III, 5, 21–23). Надо полагать, подобная мотивация использовалась всеми дальновидными политиками Греции и Рима для преодоления негативных социальных и экономических явлений своего времени. Особым способом разрешения проблемы нехватки земли и ослабления социальной напряженности стала колонизация. С точки зрения цивилизационного развития расселение греков и римлян на варварской периферии означало, с одной стороны, распространение на огромный географический ареал передовой культуры города-государства, с другой – формирование единой надрегиональной средиземноморской цивилизации. С позиций же внутриобщинных процессов колонизация была призвана препятствовать сокращению численности крестьян-земледельцев.

Имущественное неравенство лежало и в основе формирования внутри гражданской общины отношений *патрона-клиенты*: бедняки заручались материальной поддержкой и правовой защитой со стороны богатых сограждан, становясь их клиентами. Так возникали основанные на личной зависимости связи, выражавшиеся в обязанности клиента нести разнообразные повинности (прежде всего, трудовые) в пользу своего покровителя-патрона. Но даже потерявший землю и разорившийся член полисного сообщества не становился, как это было на Древнем Востоке, бесправным изгоем – он не терял ни личной свободы, ни политических прав. Кабальное рабство сограждан в законодательном порядке было запрещено в Афинах в 594 г. до н. э., в римской *цивитас* – в 326 г. до н. э. Более того, полисное сообщество выработало четкий механизм регулирования социальных процессов, одним из элементов которого и явилась колонизация. Под особым контролем властей находилось продовольственное снабжение городского населения, о чем говорят неоднократно упоминаемые в источниках постановления с характерным названием – *фрументарные*, т. е. хлебные законы. В Афинах существовала и особая система повинностей, *литургий*, своеобразного налога на богатых граждан, которые обязаны были устраивать общеполисные театральные представления и спортивные состязания (*агоны*), а также оснащать за свой счет торговые корабли для подвоза в города зерна и другой сельскохозяйственной продукции. «В условиях господства состязательной психологии, – отмечает А. Л. Смышляев, – римские и греческие аристократы, борющиеся за ведущую роль в политической и общественной жизни своих городов, воспринимали свой относительный статус в понятиях общественного признания, т. е. в понятиях репутации <...>, определяя свое место в социальной иерархии...» [17, с. 26]. Но введение в афинском полисе *литургий* преследовало и экономические цели – это было, по сути, частичным перераспределением доходов в пользу полисного государства, выступавшего в качестве выразителя интересов всех граждан – и богатых, и бедных. В социальном плане *литургии* и политическая благотворительность являлись своеобразной формой реализации идеи общинного равенства – они формировали чувство солидарности, укрепляли единство гражданского коллектива, абсолютное большинство представителей которого принадлежало в эпоху расцвета полиса и *цивитас* к среднезажиточному слою.

Ученые-антиковеды обратили внимание на важное в контексте данного исследования обстоятельство: древние авторы слова «полис» и «цивитас» всегда применяли под топонимом общинный организм. *Община*, как известно, выступала в качестве главной формы социальной организации во всех доиндустриальных (традиционных) обществах [18, с. 52]. Особенность античного варианта социально-политической эволюции состояла, по мнению А. В. Коротаева, в том, что «в ходе восходящей культурной эволюции община сохраняла свой суверенитет <...>, совершенствуя внутриобщинные политические механизмы» [19, с. 20]. Как и любое интегрированное сообщество древности, полисная община имела трехчленную схему управления: народное собрание (*эκκλeσιa* в Афинах, *комиции* в Риме), совет (*совет* 500 в Афинах, *сенат* в Риме) и *магистраты* (в институциональном смысле – исполнительная власть той эпохи). Магистраты были наделены широкими должностными полномочиями – политическими, административными, судебными и военными. Римляне называли такую полноту властных полномочий *империем* (отсюда слова «империя» и «император»), подчеркивая, что любому магистрату власть вручалась от имени гражданской общины на строго определенный, как правило годичный, срок. Публично-правовой механизм реализации империя предполагал выборность и коллегиальность всех должностей, занятие которых считалось почетной обязанностью и потому не оплачивалось. Совет и магистраты олицетворяли в тех исторических условиях ту публичную власть, которая является неотъемлемым элементом любого государства, т. е. это было уже политически оформленное общество. Однако древние писатели не использовали в своих сочинениях само слово «государство», называя сферу управления гражданской общиной *политией* (греч.) и *республикой* (лат.) (перевод этих слов на русский язык как «государство» является, по сути, невольной модернизацией). «Полития» и «республика» подразумевали и совокупность граждан, и определявшие гражданский статус правовые нормы, гарантировавшие и защищавшие личные свободы, экономическую независимость и политические права членов полисного сообщества. В римском праве гражданское состояние фиксировалось с помощью юридической

конструкции *status civitatis*, которая стала, по мнению В. В. Дементьевой, тем исходным субстратом, от которого и произошло слово «государство». Современные европейские языки сохранили родство слов *Estate* (англ.), *stato* (итал.), *État* (фр.), *Estado* (исп.) с латинским *status*, поскольку имеют вторыми своими значениями «состояние», «положение» [20, с. 7].

Общинный характер города-государства выражался и в способе комплектования органов его управления: члены магистратских коллегий, суда присяжных и совета избирались только из числа граждан и им же были подотчетны. Регулярная сменяемость и многочисленность магистратур способствовали максимальному вовлечению граждан в сферу общественно-политической жизни. Именно с целью обеспечения реального участия всех членов гражданской общины в ее делах в ряде греческих полисов государственная деятельность стала оплачиваться. В Афинах, к примеру, эта оплата составляла три-пять обол в день (столько же получал и рядовой ремесленник). Позже была введена плата и за посещение народного собрания, чтобы «стимулировать, – по словам Ю. В. Андреева, – все время снижавшуюся политическую активность этой толпы мастеровых, матросов и мелких лавочников» [21, с. 89]. Такая мера, видимо, должна была активизировать и крестьянское население, так как из комедий Аристофана видно, что оно составляло значительную часть голосующих в афинской экклесии. Представительная же система в полисе и *цивитас* отсутствовала. Однако в Римской республике деятельность магистратов не оплачивалась, поскольку считалась *доверием* (*honor* – «почет», «почесть»), оказанным гражданской общиной лицу, избранному в ту или иную коллегию. Цицерон, знаток политико-правовых реалий позднереспубликанского Рима, отмечает, что магистрат является представителем *persona civitatis*, иными словами, носителем делегированного «отцами и гражданами суверенитета» (Об обязанностях, I, 124).

Римскую республику древние историки считали образцом аристократического государства, поскольку к управлению здесь, как правило, привлекались представители *нобилитета* (*nobilis* – «знатный»). Во многом это объясняется тем, что в условиях преобладания оро-акустической формы коммуникации, когда главным инструментом агитации и убеждения являлась устная речь, успешно руководить согражданами могли только подготовленные люди, обладавшие знаниями в области юриспруденции, риторики и политики (отметим, что все эти слова пришли к нам из греческого и латыни). «Те, кто желал преуспеть на политическом поприще, – замечает П. Дж. Родс, – должны были обучаться у софистов умению аргументировать и ораторскому искусству» [22, с. 18]. Более того, кандидат на ту или иную должность тратил личные средства как на предвыборную агитацию (массовые угощения голосующих, организация гладиаторских и цирковых зрелищ, распродажа по низким ценам привозного зерна), так и на организацию военных кампаний, строительство храмов и благоустройство родного города во время отправления магистратуры. Даже самый талантливый политик мог утратить всякое влияние, если он не мог дать демосу и плебсу подачек и развлечений. Рассказывая о потребительском отношении к политикам городских люмпенов, лозунгом которых было требование *Panem et circenses!* («Хлеба и зрелищ!»), античные писатели нередко используют вместо положительного концепта «народ» негативно окрашенные термины – *ὄχλος* и *vulgus*, т. е. «чернь», «толпа», «сборище». Людская толпа (*turba homines*) упоминается и в Дигестах Юстиниана (I, 2, 2, 9) [23]. По замечанию С. Г. Карпюка, подобные определения являются одновременно и бранными, и техническими, т. е. специальными терминами. Они позволяют исследователям делать выводы о степени организованности античного общества, реконструировать модели социального поведения тех или иных слоев населения полиса и *цивитас*, наконец, выделять группы людей с пониженным социальным статусом [24, с. 172–173, 176, 196–197]. Дело в том, что в эпоху кризиса полиса и *цивитас* социальные программы заменяли уже чисто популистские методы агитации и связанные с ними непроизводительные траты огромных материальных ценностей. Современные ученые отмечают эту теневую сторону функционирования античной демократии, позволявшей честолюбивым политикам манипулировать народом-толпой с помощью раздачи определенных благ, зрелищ и демагогии. Нередко политики и военные командиры (напомним, что эти виды деятельности соединялись в одной должности – *стратег* в Афинах, *консул* в Риме) наживали таким путем политический капитал и утверждали затем единоличную власть. Так возникли «младшая» *тирания* в Греции (IV в. до н. э.) и *диктатура* в Риме (I в. до н. э.). Политический кризис *цивитас* проявился и в невозможности после возникновения в начале I в. до н. э. огромного римско-италийского территориального государства участвовать в голосовании новых граждан, проживавших далеко от центра. Римская же *civitas*, обладавшая, по словам Л. Л. Кофанова, всеми теми признаками, которые мы приписываем понятию «полис», могла существовать только в условиях ограниченного количества граждан. «В противном случае, – заключает ученый, – роль такого важного полисного института прямой демократии, как потестарные, законодательные и судебные функции народного собрания, сводится на нет» [25, с. 117].

Социальное устройство греческого полиса и римской цивитас. Для характеристики структуры античной гражданской общины в романистике (науке о римском праве) используется понятие *статусных групп*. Частный человек (лат. *singuli, privati*, греч. *idiotes*) мог тогда обладать

политическими и юридическими правами, определенными привилегиями и социальными гарантиями только в качестве *гражданина*. Гражданство же означает правовую принадлежность лица государству, которое наделяет его правоспособностью. Полная правоспособность (*caput*) определялась в римском праве наличием у лица как субъекта права трех обязательных статусов, или состояний: статуса свободы, гражданского статуса (*status civitatis*) и статуса семьи. Только в качестве носителя этих статусов индивид воспринимался полисным сообществом полноправным и равноправным его сочленом. Здесь необходимо особо подчеркнуть, что любой общинный организм древности характеризовался высокой степенью интеграции людей в социальное пространство. И человек античности соотносил свой гражданский статус именно с принадлежностью к сообществу себе подобных, т. е. к коллективу «своих». «Благодаря принадлежности к группе людей, объединенных общностью происхождения или дружескими отношениями, – пишет Э. Бенвенист, – индивид являлся не только свободным, но и самим собой...» [26, с. 212]. В исторических и литературных текстах принадлежность человека к общинному сообществу фиксируется с помощью слов *etes* (сородич), *suus* (свой), *sodalis* (компаньон, коллега), *socius* (товарищ), *hetairos* (соратник). *Civis Romanus sum* – эта юридическая формула была и формой самоидентификации, и способом обеспечения римскому гражданину личной неприкосновенности за пределами родной общины. В практическом плане статус гражданства открывал человеку возможность самореализации в различных сферах частной и общественной жизни. В частной сфере (греч. *idion*, лат. *privatum*) важнейшими правами было право на законный брак (*matrimonium iustum*), право владеть и свободно распоряжаться личным имуществом (*ius commercium*), а также возможность в судебном порядке защищать свои личные и имущественные права. В публично-правовой сфере гражданин имел активное (право голоса) и пассивное (возможность быть избранным в любую магистратскую коллегию) избирательное право. Статусом же семьи обладал только глава большой патриархальной семьи – *pater familias*, распоряжавшийся судьбой своих подвластных и комплексом фамильного имущества. Именно наличие у гражданина семейного статуса превращало его в «человека своего права» (*persona sui iuris*) [27, с. 280–284, 323–325].

Патриархальная семья греков и римлян – естественная социальная общность, объединявшая как кровных родственников (у римлян – *когнатов*), так и других подвластных домовладыке лиц – *агнатов* (разновидность социального, по нормам *ius civile*, законного родства). Подвластным состоянием и рабов, и законных детей патера (все они – «лица чуждого права») объясняется обозначение в латинском языке детей как *liberi*, т. е. «свободные», что качественно отделяло их от бесправных рабов. Заметим, что семейно-бытовая сфера жизни и деятельности человека являлась в древности главной формой социокультурной адаптации. Более того, позиция гражданина в межсемейном пространстве предопределяла и его место в обществе. Античный полис являл собой, подчеркивает А. В. Махлаюк, «интегрированное общество, в котором в неразрывном единстве существуют статусы гражданина, воина, земельного собственника и отца семейства, что особенно важно для римлян с их институтом отцовской власти» [28, с. 180]. Юридическое полноправие и политическое равноправие полисных граждан, коллективно создававших органы власти и упорядочивавших эту власть в собственных интересах, и является сутью той лучшей из всех типов демократии, которую Аристотель назвал *гоплитской политией* (Политика, II, 3, 9; III, 5, 3). В отличие от тимократического устройства, в гоплитской политике «все пользуются свободой..., а одно из условий свободы – по очереди быть управляемым и править» в среде своих общников (*koinónoi*), «надлежащим образом воспитанных посредством законов» (Политика, II, 1, 2; II, 1, 6; II, 4, 5; VI, 1, 6–10). Иными словами, в «правильной политике» (термин Аристотеля. – О. Х.) осуществляется справедливое равенство, при котором ни богатые, ни бедные не имеют каких-либо преимуществ в доступе к власти. И Цицерон в своем знаменитом трактате «О законах» называет античную гражданскую общину «сообществом людей, связанных между собой общими правами и законами» (I, 6, 23).

Как особый тип общинной структуры, полис и цивитас тем и отличались от подобного рода образований, что в них утвердилась правовая форма регулирования частной (сфера действия *ius civile*, по-иному *ius privatum*) и общественной (сфера действия *ius publicum*) жизни. Частный человек обладал какими-то правами только как гражданин и только как участник правового общения он становился формальным субъектом права. Совокупность гражданских прав, выражавшая включенность субъекта права в ту или иную сферу социальной жизни, и определяла в полисе и цивитас *статус* лица. «Согласованность общего и индивидуального начал в полисе, – подчеркивает Д. В. Дождев, – не означает какого-либо существенного отличия полиса от государства, но выявляет именно правовой характер полиса как формы государственности» [29, с. 110]. Наличие в античном социуме четко оформленной статусно-правовой и сословно-функциональной дифференциации хорошо прослеживается по юридическим и историческим текстам. Так, например, интеллектуальная и политическая элита республиканского Рима составляла сенаторское сословие (*ordo senatorium*), а дельцы, ростовщики и торговцы входили во всадническое сословие (*ordo equester*). Принадлежность к ним в эпоху поздней республики была уже наследственной. Простые же граждане квалифицируются

древними авторами как плебейское сословие. Однако, независимо от сферы профессиональной деятельности и степени материального благосостояния, все названные социальные группы составляли единую политико-юридическую общность – *populus Romanus Quirites*, т. е. «римский народ». При этом собирательные концепты *лаос* (греч.) и *популюс* (лат.) следует понимать в узком значении – *народ* как совокупность полноправных граждан, гражданское сообщество.

Еще одной формой градации населения государства полисного типа было разделение на тех, кто являлся гражданином по происхождению (*cives nati*), и тех, кто стал таковым в силу приказа магистрата или постановления собрания (*cives facti*). В греческих полисах в пору их расцвета допуск извне в гражданский коллектив носил характер редких поощрительных актов, о чем говорят высеченные на камне официальные надписи (наиболее аутентичный вид письменных памятников) с текстами соответствующих постановлений (*псефизм*) афинского народного собрания. В римском государстве практика наделения ограниченными гражданскими правами отпущенных на волю рабов (этот юридический акт назывался *манумиссией*) и свободных жителей провинций получила широкое распространение в период поздней республики и ранней империи (II в. до н. э. – II в. н. э.). Цицерон характеризовал сложившуюся в римском государстве миграционную практику такими словами: «Коль скоро в наше государство (в латинском оригинале – *civitas*) путь ведет из всех тех гражданских общин, которые связаны с нами союзом, дружбой, торжественным обязательством или соглашением», то и «многие римские граждане добровольно, не будучи ни осуждены, ни ограничены в правах <...>, переселяются в другие государства» (Речь в защиту Л. Корнелия Бальба, XI, 28–29) [30]. Документальным подтверждением наличия в римском обществе активной социальной динамики является, в частности, надпись II в. н. э. из североафриканской провинции Мавретании. По содержанию это была копия распоряжения императорской канцелярии о пожаловании вождям одного из местных племен гражданских прав «по причине больших заслуг перед Римским государством» и «за готовность к повиновению» [31, с. 163–164]. При этом мавретанцы сохраняли и собственный общинно-племенной статус, приобретая в итоге двойное гражданство. Главным же отличием коренных римских граждан от тех, кто стал таковым по решению властей, являлось право голоса в комициях (*ius suffragium*). Напомним, что только путем голосования граждане могли утверждать предложенный магистратом законопроект, избирать должностных лиц, выносить окончательный приговор осужденному, если тот апеллировал к согражданам (*provocatio ad populum*) с просьбой о пересмотре решения судебной коллегии. Логической точкой в деле расширения гражданского населения римского государства стал эдикт 212 г. императора Каракаллы, предоставивший гражданский статус всему свободному населению империи. Но это был уже чисто символический акт, так как народные собрания больше не собирались, а пространство былых гражданских свобод оказалось предельно суженным. Исследователи единодушно констатируют трансформацию римского гражданства в подданство.

Выше мы охарактеризовали способы интеграции греков и римлян в гражданское и политическое сообщество – *politike koinonia* (греч.) и *societas civilis* (лат.). Остановимся теперь на особенностях межличностной и групповой коммуникации людей интересующей нас эпохи. Г. С. Кнабе обратил внимание на то обстоятельство, что в Древнем Риме «широко был распространен принцип, согласно которому всякое дело, государственное или личное, хозяйственное или политическое, осуществлялось с помощью лиц, объединенных вокруг руководителя и связанных с ним отношениями фамилиальной, амикальной, общинной или любой другой солидарности...» [32, с. 205]. Действительно, сообщества различных видов засвидетельствованы древними авторами на всех уровнях общественной системы полиса и цивитас.

В Дигестах Юстиниана римские коллегии разделены на два вида – частные (неофициальные) и публичные, причем вторые были призваны «служить своей деятельностью интересам всего общества» (50, 6, 6 (5), 12) [33].

В исторических и юридических текстах упоминаются публичные коллегии (*societas, sodalitas*) дельцов, ростовщиков, жрецов, ветеранов, ремесленников и откупщиков государственных доходов (публиканов). Такие коллегии действовали на долговременной основе и объединяли людей, имевших общий профессиональный или хозяйственный интерес. Особенность их правового статуса заключалась в том, что компаньоны-сотоварищи приобретали права и несли обязанности только друг перед другом, т. е. в своем статусе и в своих полномочиях они идентифицировались с физическим лицом как самостоятельным субъектом права (*persona*). Поэтому римские юристы использовали для обозначения такого условного юридического лица конструкцию *persona fictive*, подчеркивая, что ее правоспособность ограничивалась сферой частного права.

Вокруг знатных римских фамилий формировались кланово-клиентельные союзы (*corpus, collegia*), состоявшие из родственников, друзей, соратников и клиентов главы рода или большой патриархальной семьи (здесь особенно ярко проявлялись патронатные отношения). Это связано с тем, что политический успех греков и римлян, занимавшихся государственной деятельностью, во многом определялся мнением и поддержкой их ближайшего окружения. Цицерон, в частности, говорит о необходимости

кандидата на ту или иную магистратскую должность совещаться с кружком своих соратников, ибо победа на выборах зависит, по словам оратора, не только «от воли народа» (*voluntas popularis*), но и «от рвения друзей» (*studia amicorum*) (Речь в защиту Л. Корнелия Бальба, VIII, 19). Соседско-общинные, амикальные, т. е. дружеские, и патронатно-клиентельные союзы играли в античном обществе главную роль в образовании крупных политических группировок, впервые названных римлянами партиями (*partes*), как правило, с добавлением имени их лидера. Частные (неофициальные) объединения характеризовались наличием у компаньонов общих интересов и схожих жизненных позиций, относительным постоянством состава и, как правило, социальной однородностью. В среде аристократии были распространены не только политические и интеллектуальные (литературно-философские) союзы, но и приватные сообщества. К примеру, участники афинских *симпозионов* развлекались пением хоровых песен, интеллектуальными играми, представлениями мимов и танцоров. Спартакие же коллективные трапезы, *сисситии*, являлись еще и своеобразными мужскими клубами, в которых царил дух воинского братства, выработавшись определенный стиль поведения в мирное и военное время. Насажение в среде спартиатов традиций братства и коллективизма историки древности приписывают тому же Ликургу, который, по утверждению Плутарха, «приучил сограждан не желать и не уметь жить отдельно от других», но «подобно пчелам, жить всегда вместе, собираясь вокруг своего главы – гегемона» (Плутарх. Ликург, 25).

Помимо аристократических микрогрупп, в античном обществе широко бытовали и народные коллегии. Чаще всего простые люди объединялись с целью взаимной поддержки, например для организации складчинных трапез или для приобретения места на кладбище (так называемые похоронные коллегии городской бедноты). Особенностью же религиозно-культурных братств был их социальный состав – помимо свободных граждан, в них входили вольноотпущенники и даже рабы. Культ восточного божества *Митры*, широко распространенный в римском обществе императорской эпохи, наибольшее число адептов имел среди легионеров и рабов [34, с. 277–280]. В ранних христианских общинах, именуемых в Новом Завете *агапами* (греч. «совместные трапезы»), были, как известно, преодолены не только сословные, но и этнические барьеры. Следует подчеркнуть, что совместные культовые трапезы имели в древности не только идейное, но и огромное социальное значение. Во время религиозных праздников, непременным атрибутом которых было символическое подношение богам мяса жертвенных животных, происходило угощение народа этим столь необходимым для рационального питания продуктом. В афинском полисе существовала специальная группа сотрапезников – *параситов*, которым было законом предписано участие в подобного рода мероприятиях. «Само понятие *dike* («справедливость»), – отмечает Х. Туманс, – оказывается изначально связанным с правильным распределением мяса на пиру...» [35, с. 91]. И слово *номос* («закон») антиковеды возводят к греческому глаголу «делить», «разделять», что в переносном смысле означает ту долю, которая уготована для каждого члена полисной общины. «Таким образом... – делает вывод Х. Туманс, – базовые понятия судьбы, справедливости и закона в греческом мышлении сформировались под влиянием архетипа общей трапезы и дележа на пиру» [35, с. 91]. Известный греческий философ Платон описал симпозион в своем знаменитом диалоге «Пир», после чего этот литературный жанр был развит многими греческими и римскими писателями. В данном случае мы наблюдаем в античной традиции перенос проблемы сущности полиса из плоскости социально-политической в плоскость бытовую и культурологическую.

Заключение. Наличие достаточно репрезентативного корпуса письменных источников позволяет ученым-антиковедам с высокой степенью достоверности восстановить процесс формирования в цивилизациях европейской античности институционально оформленной и социально расчлененной общественной системы. Греческий классический полис и римская республиканская цивитас считаются идеальной моделью в деле изучения истоков демократии и путей становления гражданского общества, ставшие образцом в деле государственного строительства в последующие исторические эпохи. Община, являвшаяся главной формой социальной организации во всех традиционных обществах, имела множество модификаций – от многоколенной семейной до гражданской полисной общины, которую в настоящее время называют *точной политией*. В рамках этой политики общинные потестарные органы трансформировались в законодательно оформленные институты, сохранявшие при этом свою изначальную коллективистскую сущность. Власть и управление воспринимались в полисе и цивитас как дело (забота) всех граждан (*res publica*). Именно в полисном государстве возник вошедший в язык современной политологии принцип – *принцип участия* как право и обязанность каждого гражданина управлять родной общиной, покоившейся, по словам А. В. Махлаюка, «на неотчуждаемых связях соучастия в системе власти» [28, с. 180]. В основе данного принципа лежали представления об *общем благе, общей пользе* коллективных солидарных действий сообщинников, содружинников, сотоварищей. Мы разделяем мнение тех исследователей, которые считают эту идею общепольности особой формой легитимизации коллегиальной и регулярно сменяемой, а значит, демократичной системы власти. Главным же отличием античной гражданской общины от других республиканских

политий древности было то, что в ней утвердилась правовая форма регулирования частной и общественной жизни. Центральная установка римского *ius civile* – личная свобода каждого сочлена гражданской общности, его право на правомерные индивидуальные действия в частной сфере и обязательное участие в политической жизни своей общины. Само понятие *свободы* можно считать продуктом общинной социальной организации с ее коллективистскими установками и нормами. В полисном государстве произошла нормативная фиксация личных прав и свобод, юридическое закрепление сословной принадлежности человека, определявшее его место и роль в системе гражданских связей и отношений. Именно правовой критерий лежал в основе разделения населения полиса и *цивитас* на полноправных граждан, субъектов права, свободных, но бесправных неграждан, и зависимых рабов, объектов права. Юридические перегородки в среде самих граждан отсутствовали, все они были равны в своих правах и доступе к общественным фондам родной общины. В целом античное гражданство – это принадлежность к сообществу *своих* со всеми связанными с этой принадлежностью правами, возможностями и обязанностями. Выработка такой четкой градации социальных позиций происходила в Греции и Риме на протяжении нескольких столетий, история которых связана, как было показано, с реформаторской и законодательной деятельностью многих прогрессивных деятелей того времени. Античная гражданская община, основанная на сословно-функциональной и статусной дифференциации, сам институт гражданства являлись, без сомнения, новаторским и прогрессивным явлением на пути движения человечества к демократии.

Библиографические ссылки

1. Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность. – М. : Наука, 2002.
2. Аристотель. Политика. Афинская полития. – М. : Мысль, 1997; Платон. Законы. Государство // Платон. Собр. соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1994. – Т. 3–4; Фукидид. История / изд. подготовили Г. А. Стратановский, А. А. Нейхард, Я. М. Боровский. – М. : Наука, 1993; Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Греческая мифология / пер. с древнегреч. О. П. Цыбенко. – М. : Лабиринт, 2000.
3. Суриков И. Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи (Архаика и ранняя классика). – М. : Наука, 2005.
4. Дьяконов И. М., Якобсон В. А. Гражданское общество в древности // Вестник древней истории. – 1998. – № 1. – С. 22–29.
5. Маяк И. Л. Рим первых царей: генезис римского полиса. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983.
6. Плутарх. Избранные жизнеописания : в 2 т. – М. : Правда, 1987. – 2 т.
7. История Древней Греции / под ред. В. И. Кузицина. – М. : Высш. шк., 2000.
8. Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). – СПб. : Гуманит. Академия, 2002.
9. Штаерман Е. М. История крестьянства в Древнем Риме. – М. : Наука, 1996.
10. Хрестоматия по истории Древней Греции / под ред. Д. П. Каллистова. – М. : Мысль, 1964. – С. 83, 143–157, 170–173; Хрестоматия по истории Древнего Рима / под ред. В. И. Кузицина. – М. : Высш. шк., 1987. – С. 11–12, 20–21.
11. Васильев Л. С. История Востока : в 2 т. – М. : Высш. шк., 1993. – Т. 1.
12. Страбон. География : в 17 кн. / пер. Г. А. Стратоновского. – М. : Наука, 1994.
13. Печатнова Л. Г. Гипомейоны и мофаки (Структура гражданского коллектива Спарты) // Вестник древней истории. – 1993. – № 3. – С. 100–115; Она же. Неодамоды в Спарте // Вестник древней истории. – 1988. – № 3. – С. 19–29.
14. Немировский А. И. История древнего мира. Античность : в 2 ч. – М. : Владос, 2000. – Ч. 1.
15. Ливий Тит. История Рима от основания города : в 3 т. / пер. с лат. ; отв. ред. Е. С. Голубцова. – М. : Наука, 1989–1993. – Т. 1. – 1989.
16. Цицерон Марк Туллий. О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М. : Наука, 1975; Он же. Диалоги о государстве – о законах. – М. : Наука, 1966.
17. Ммышляев А. Л. Суд наш есть дело чести, есть дело подвига и дело славы (судебный поединок как дело чести в Древнем Риме) // Юридические записки: римское право и современность. – 2011. – № 1 (24). – С. 25–31.
18. Голубцова Е. С. Община, племя, народность в античную эпоху. – М. : Наука, 1998.
19. Коротаев А. В. Горы и демократия: к постановке проблемы // Восток. – 1995. – № 3. – С. 18–26.
20. Дементьева В. В., Чеканова Н. В. К дискуссии о возникновении римской государственности // Политические структуры и общественная жизнь Древнего Рима (проблемы античной государственности). – Ярославль : ЯрГУ, 1993. – С. 3–9.
21. Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии: несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. – СПб. : Алетейя, 1998.
22. Родс П. Дж. Кому принадлежала власть в демократических Афинах // Вестник древней истории. – 1998. – № 3. – С. 16–25.
23. Дигесты Юстиниана : в 7 т. / пер. с лат. – М. : Статут, 2002. – Т. 1.
24. Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. – М. : ИВИ РАН, 2003; Он же. Роль толпы в политической жизни архаической и классической Греции // Вестник древней истории. – 2000. – № 3. – С. 3–35.
25. Кофанов Л. Л. Римская *civitas* и муниципальное право эпохи республики // Вестник древней истории. – 2007. – № 3. – С. 101–119.
26. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / пер. с фр. – М. : Прогресс, 1995.
27. Дождев Д. В. Римское частное право : учебник. – М. : Наука, 2011.
28. Махлаюк А. В. Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата // Античный полис : курс лекций. – М. : Ун-т Дм. Пожарского, 2010. – С. 176–226.

29. *Дождев Д. В.* Методологические проблемы изучения римского права: индивид и гражданское общество // Вестник древней истории. – 2003. – № 2. – С. 91–111.
30. *Цицерон Марк Туллий.* Речь в защиту Л. Корнелия Бальба // Вестник древней истории. – 1987. – № 2. – С. 235–252.
31. *Ельницкий М. А.* Новые эпиграфические данные (Tabula Banasitana) и эдикт Каракаллы о римском гражданстве // Вестник древней истории. – 1980. – № 1. – С. 162–171.
32. *Кнабе Г. С.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. – М. : Индрик, 1993.
33. *Дигесты Юстиниана* : в 7 т. / пер. с лат. – М. : Статут, 2005. – Т. 7, полутом 2.
34. *Стюарт Джонс Х.* Митраизм // Митра – владыка рассвета. – Минск : Астра, 2000. – С. 267–296.
35. *Туманс Х.* К идее государства в архаической Греции // Вестник древней истории. – 2006. – № 3. – С. 77–105.

Поступила в редакцию 17.05.2013.